

**ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ**

2

1973

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
1973

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — Научный поиск и борьба идей в философии	3
Человек — наука — техника	
В. Н. Турченко (Новосибирск) — Научно-техническая революция и проблемы образования	18
Академик Тодор Павлов (Болгария) — Против педагогической робинзонады, за марксистскую социальную педагогику	30
Круглый стол «Вопросов философии» — Человек и среда его обитания (выступления академика П. Л. Капицы, проф. Б. Ц. Урланиса, проф. М. М. Камшилова и др.)	36
А. Г. Вишневский — Демографическая революция	53
В. П. Смирнов — О структуре человеческого взаимопонимания	65
—————	
Член-корр. АН СССР И. С. Шкловский — Проблема внеземных цивилизаций и ее философские аспекты	76
М. В. Мостепаненко (Ленинград) — Мысленный эксперимент и проблема формирования теоретического знания	94
Социальные противоречия капитализма и идейная борьба: итоги 60-х годов	
К. Г. Мяло — Идеология «тотальной свободы»: историческая традиция и современные модификации	101
С. Н. Григорян — Революционно-демократическая идеология в странах Азии и Африки на рубеже 60-х и 70-х годов	115
В. П. Лукин — Современный Китай: как его видят в США	127
Академик Ф. В. Константинов — Г. С. Сковорода — выдающийся гуманист	142
ФИЛОСОФИЯ ЗА РУБЕЖОМ	
Г. Л. Белкина, Ц. Г. Арзаканьян — Против современной буржуазной идеологии и ревизионизма	150
П. Н. Шихирев — Исследования социальной установки в США	159
А. А. Печенкин — Проблемы симметрии объяснения и предсказания	167
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Ю. Н. Солодухин — К 50-летию образования СССР	175
Хроника	178

Наши авторы

- ТУРЧЕНКО**
Владимир Николаевич
- кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского Отделения АН СССР.
- Академик**
ПАВЛОВ Тодор
- член Политбюро ЦК БКП, академик, почетный президент БАН, директор Института философии БАН, главный редактор журнала «Философска мисъл».
- ВИШНЕВСКИЙ**
Анатолий Григорьевич
- кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории демографии НИИ ЦСУ СССР.
- СМИРНОВ**
Вадим Петрович
- кандидат медицинских наук.
- ШКЛОВСКИЙ**
Иосиф Самуилович
- член-корреспондент АН СССР, заведующий отделом астрофизики и радиоастрономии Института космических исследований АН СССР.
- МОСТЕПАНЕНКО**
Михаил Васильевич
- доктор философских наук, профессор кафедры Ленинградского финансово-экономического института имени И. А. Вознесенского.
- МЯЛО**
Ксения Григорьевна
- старший научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР.
- ГРИГОРЯН**
Сергей Николаевич
- доктор философских наук, заведующий сектором Института философии АН СССР.
- ЛУКИН**
Владимир Петрович
- кандидат исторических наук, заведующий сектором Института США АН СССР.
- КОНСТАНТИНОВ**
Федор Васильевич
- академик, академик-секретарь Отделения философии и права АН СССР, президент Философского общества СССР, член редколлегии журнала «Вопросы философии».
- БЕЛКИНА**
Галина Леонидовна
- кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии АН СССР, ученый секретарь советской части двусторонней Комиссии философов СССР и ГДР.
- АРЗАКАНЬЯН**
Цолак Геворкович
- заместитель заведующего отделом журнала «Вопросы философии».
- ШИХИРЕВ**
Петр Николаевич
- научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР.
- ПЕЧЕНКИН**
Александр Александрович
- кандидат философских наук, научный сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР.

Демографическая революция

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ

Социальные революции нового времени — идет ли речь о буржуазных революциях в ту пору, когда буржуазия была еще революционна, о пролетарских ли революциях или об освободительных революциях колониальных народов — неразрывно связаны с переворотами в материальной и духовной жизни общества. Подводя итог длительному накоплению медленных количественных изменений и знаменуя собой качественный скачок, рождение новых форм производства, нового сознания, эти перевороты оказывают огромное влияние на все общественное развитие, подготавливают победу социальных революций, способствуют закреплению и углублению их завоеваний. Вместе с социальными переворотами они оказывают революционизирующее влияние на условия жизни человека и его сознание, и поэтому в определенном смысле также могут называться революциями. Таковы «буржуазная религиозная революция»¹ XIV—XVI веков, научная революция XVII века, промышленная революция XVIII—XIX веков, научно-техническая революция XX века. В ряду этих революций важное, хотя и не осмысленное еще в полной мере, место занимает демографическая революция.

Демографическая история изучена несравненно хуже, чем, скажем, история экономическая. Это объясняется как тем, что важность ее изучения осознана лишь в самое последнее время, так и трудностью изучения демографического прошлого, которое не оставило почти никаких материальных следов. Все же усилиями демографов примерно с начала XX века накоплено довольно большое количество фактов, которые позволяют хотя бы в самом общем виде представить себе схему демографического развития на протяжении всей истории человеческого общества. Согласно этой эскизной, весьма слабо разработанной схеме, демографическое развитие человечества предстает в виде медленной эволюции с двумя «перерывами постепенности», с двумя скачками, двумя демографическими революциями.

Первая демографическая революция произошла в эпоху неолита и явилась следствием колоссального скачка в развитии производительных сил — возникновения скотоводства и земледелия. Этот исторический переворот в области производства поставил жизнь людей, знавших ранее лишь собирательство, охоту и рыбную ловлю, на совершенно новую экономическую основу. В свою очередь, «новая хозяйственная система не просто послужила базисом для умножения человечества: она ускорила процесс, который в силу его поразительного сходства с демографической революцией нашего времени может быть назван «демографической революцией эпохи неолита»². Овладение относительно высокопроизводительными способами получения продуктов питания, улучшение жи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 506.

² Gy. Acsádi and J. Nemeskéri. History of Human Life Span and Mortality. Budapest, 1970, p. 196.

лиц, расширение знаний об окружающем мире существенно ослабили зависимость человека от природы, в частности уменьшили очень высокую прежде вероятность гибели от голода, позволили сделать первые шаги в борьбе со смертью.

Возможно, что снижению смертности способствовал также переход — еще в процессе становления родового строя — к экзогамии, исключавшей кровнородственные браки, что повышало жизнеспособность потомства. Одновременно это способствовало увеличению среднего числа детей, рождаемых одной женщиной на протяжении ее жизни. Снижение смертности, а возможно, и повышение рождаемости в эпоху становления родового строя (пусть и весьма незначительные с точки зрения наших сегодняшних представлений) явились существенным моментом демографической истории человечества. Однако этот тип воспроизводства населения на неизменном уровне. Оказавшись в неблагоприятных условиях, популяции пралюдей могли подвергнуться сокращению, а иногда и полному вымиранию. Отсюда длительный застой, отсутствие заметного роста численности палеолитических поселений.

Сущность первой демографической революции как раз и заключается в замене архетипа новым типом воспроизводства населения, получившим название «примитивного» типа. Хотя и для этого нового типа воспроизводства характерна очень высокая смертность, она все же ниже, чем смертность, свойственная архетипу, благодаря чему впервые в истории человечества становится возможным устойчивый рост населения. Как ни мало мы знаем о демографических процессах столь отдаленного прошлого, можно считать достоверно установленным, что именно в эпоху неолита начался рост населения — очень медленный по сравнению с сегодняшними темпами роста, но невиданно быстрый по сравнению с палеолитическим временем. Без такого роста невозможно было бы ни происшедшее в эту эпоху расширение границ ойкумены, ни возникновение густонаселенных центров цивилизации раннеклассовых обществ, их экономики, базировавшейся на совместном использовании огромного количества людей.

Первая демографическая революция и обусловленный ею рост населения были не только следствием развития производительных сил, но и сами составляли один из важных элементов этого развития, одну из составных частей того материально-технического переворота, который завершился становлением классового общества, пришедшего на смену первобытнообщинному строю, экономические условия существования которого претерпели существенные изменения.

Тип воспроизводства населения, установившийся в результате первой демографической революции, оставался затем неизменным на протяжении тысячелетий. Разумеется, показатели режима воспроизводства испытывали значительные колебания, зависящие от различных внешних условий, от пертурбационных факторов экономического и социального характера, причем сами эти колебания были неотъемлемой чертой примитивного типа воспроизводства. Этот длительный эволюционный период демографического развития человечества был прерван новой демографической революцией, начавшейся в конце XVIII века в Западной Европе. Ниже мы сосредоточим свое внимание на этой второй демографической революции. Именно эту демографическую революцию мы и будем иметь в виду в дальнейшем, даже в тех случаях, когда для краткости слово «вторая» будет опущено.

Вторая демографическая революция была подготовлена теми же историческими событиями, что и промышленная революция XVIII—XIX веков и началась одновременно с ней. И исторически и логически первым актом демографической революции явилось преодоление традиционного уровня смертности.

В эпоху господства примитивного типа воспроизводства населения средняя продолжительность жизни в большинстве случаев колебалась, по-видимому, в пределах от 20 до 30 лет, чаще приближаясь — под влиянием постоянных эпидемий, голодных годов и войн — к нижнему пределу, а иногда и переходя его. Чтобы дать наглядное представление о соответствующем уровне смертности, отметим, что при средней продолжительности жизни в 25 лет около 30% новорожденных не доживает до 1 года, меньше половины доживает до 20 лет и меньше 15% — до 60 лет. Лишь в конце эволюционного периода, накануне демографической революции, средняя продолжительность жизни социально привилегированной части населения некоторых европейских стран все чаще стала превышать 30 лет, однако уровень, равный примерно 35 годам, можно считать пределом, достижимым в условиях «примитивного» типа воспроизводства населения.

Начавшееся в конце XVIII века в некоторых странах Западной и Северной Европы снижение смертности вытекало из всего предшествующего развития и в каком-то смысле подводило итог длительному периоду накопления медленных, эволюционных изменений условий жизни человека восходящего буржуазного общества. Однако для того, чтобы такое снижение приобрело характер революционного скачка, революционные изменения должны были произойти и в самих условиях жизни людей. Так оно и было в действительности: промышленный переворот знаменовал собой вступление капитализма в новую стадию — стадию промышленного капитализма. Означая, по словам В. И. Ленина, «обострение и расширение всех мрачных сторон капитализма»³, этот переворот тем не менее имел для своего времени огромное прогрессивное значение и способствовал, в частности, колоссальным изменениям в экономических условиях существования населения Европы в XIX веке. Развитие промышленности и сельского хозяйства, транспорта и торговли привело к постепенному прекращению острых вспышек голода, во время которых резко повышалась смертность в Западной Европе (последний раз такая вспышка, во время которой погибло около 1 миллиона человек, произошла в Ирландии в 1846 году). Огромную роль в снижении смертности сыграло развитие медицины, которая сама пережила в это время своеобразную революцию, начавшуюся открытием (в последнем десятилетии XVIII века) вакцинации оспы Эдуардом Дженнером и завершившуюся во второй половине XIX века, в первую очередь в результате деятельности Луи Пастера, вступлением медицины в «бактериологическую эру». С этого времени стал непрерывно расширяться контроль человека над заболеваемостью и смертностью, что, с одной стороны, позволило полностью ликвидировать «экстраординарную» смертность от периодических эпидемий, свирепствовавших в Европе на протяжении тысячелетий, с другой стороны, создало условия для резкого снижения «нормальной» смертности. Население Европы практически полностью избавилось от грозных спутников средневековья — оспы и чумы, были подавлены свирепствовавшие еще в XIX веке холера и тиф, постепенно сведена на нет опаснейшая детская болезнь — дифтерит. Дальнейшее развитие медицины открыло путь к победе над малярией, желтой лихорадкой, туберкулезом и многими другими заболеваниями, несшими в прошлом преждевременную смерть огромному количеству людей.

Уже к концу XIX века средняя продолжительность жизни в большинстве европейских и в некоторых неевропейских странах превысила 40, а в отдельных странах — даже 50 лет. В дальнейшем рост средней продолжительности жизни ускорился, в результате чего лишь на протяжении нашего столетия во многих странах этот показатель увеличился на 20—30 лет, то есть больше, чем за многие тысячелетия человеческой

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 455.

истории, и достиг чрезвычайно высокого уровня — в 70 и более лет. При такой продолжительности жизни в возрасте до 1 года умирает не более 2—3% новорожденных, свыше 90% из них доживает до 30 лет и свыше 60% — до 70 лет.

Недостаточно сказать, что колоссальное снижение смертности стало возможным благодаря техническому прогрессу и успехам медицины — развитие производительных сил сделало его необходимым. Развитие крупного машинного производства привело к возникновению густонаселенных промышленных центров, крупных городов, которые просто вымерли бы от эпидемий, если бы контроль над заболеваемостью и смертностью не был установлен. С другой стороны, быстрое развитие техники повысило экономическую ценность человека. Если на ранних стадиях развития промышленного капитализма широко использовался неквалифицированный труд детей и женщин, то на более поздних стадиях низкая квалификация работников превратилась в тормоз технического прогресса. Как ни держались капиталисты за систему эксплуатации дешевой, неквалифицированной рабочей силы, она должна была уступить место новому подходу к качеству рабочей силы, к затратам на ее воспроизводство и сохранение, а значит, и новым требованиям к продолжительности человеческой жизни. В процессе демографической революции средняя продолжительность жизни в рабочем возрасте (точнее, в возрасте обучения и работы — округленно — от 10 до 60 лет) увеличивается почти в полтора раза. До начала демографической революции из числа достигших 10-летнего возраста до 30 лет доживало менее 80%, до 45 лет — немногим более половины, к 60 годам в живых оставалась только одна треть. При современном же уровне смертности из числа достигших 10-летнего возраста до 60 лет доживает примерно 80%, то есть больше, чем в прошлом доживало до 30 лет. Эти изменения резко повысили экономичность накопления, передачи и использования производственного опыта и знаний. Без них едва ли была бы возможна современная система образования, так как затраты на ддящуюся многие годы подготовку работника не окупались бы за относительно короткое время его непосредственного участия в производстве. Без этих изменений едва ли было бы достигнуто современное качество работников — одна из важнейших характеристик уровня развития производительных сил в эпоху научно-технической революции. Иначе говоря, снижение смертности даже при капитализме превращается в настоятельное социально-экономическое требование.

Помимо экономических последствий, о которых говорилось выше, снижение смертности имеет и весьма важные непосредственно демографические последствия. Они заключаются в том, что благодаря снижению смертности все большее число рождающихся детей стало доживать до возраста родителей, в результате чего каждое предшествующее поколение стало замещаться последующим с большим численным превышением и рост населения стал все более и более ускоряться. В «демографическом бытии» людей произошли коренные изменения, и впервые в истории появилась возможность сознательного ограничения рождаемости в значительных масштабах, что отнюдь не ставило под угрозу само продолжение человеческого рода.

Здесь, как и в отношении снижения смертности, следует провести различие между возможностью и необходимостью. Снижение смертности создало лишь возможность снижения рождаемости, необходимость же его обусловлена другими причинами — она вытекает непосредственно из самого экономического и социального развития. Вопрос о причинах снижения рождаемости в процессе демографической революции весьма сложен и не может быть рассмотрен здесь в полном объеме. Мы коснемся его лишь частично и лишь в той мере, какая необходима, чтобы показать, что снижение рождаемости было обусловлено качественными

изменениями условий жизни, установок сознания, определявшихся уровнем развития производства и следовавшего за ним экономического и социального прогресса. При этом социо-культурных мотивировок демографического поведения, сдвигов в общественной и индивидуальной психологии, связанных с демографическими процессами, мы будем касаться лишь во вторую очередь, так как они сами по себе могут составить предмет самостоятельного исследования.

Необходимость снижения рождаемости была осознана на уровне семьи, и это снижение было осуществлено без всякого понуждения извне, что вытекало из самой природы семьи.

С момента своего возникновения семья одновременно выполняла как функцию продолжения рода (демографическая функция), так и функцию воспроизводства человека определенного социального качества (социальная функция). Бесперебойное выполнение этих функций на уровне семьи обеспечивало непрерывность демографического и социального воспроизводства на уровне общества: воспроизводства населения, с одной стороны, и воспроизводства его социальной структуры — с другой.

В истории не раз бывали случаи, когда демографическая и социальная функции семьи вступали в противоречие между собой. Даже небольшое и временное понижение смертности, приводящее к некоторому увеличению числа выживающих детей и ускорению роста населения, несло с собой нарушение традиционного экономического и социального равновесия. В эпоху феодализма, например, увеличение числа наследников вступало в противоречие с общепринятыми формами сохранения незыблемости социальной структуры, с фидеикомиссом, с принципом неделимости лена, с надельной системой крестьянского землепользования и т. п. Как отмечал К. Маркс, рассматривая формы, предшествующие капиталистическому производству, «там, где каждому из индивидов полагается владеть таким-то и таким-то количеством акров земли, уже рост населения создает для этого препятствие»⁴.

Увеличение числа выживающих детей стало противоречить устремлениям буржуазного общества, потому что оно угрожало целостности накопленных состояний, в частности же грозило дроблением мелкой земельной собственности и потому особенно ощущалось крестьянством в тех странах, где существовала частная собственность на землю.

Подобные противоречия, как правило, быстро осознавались во все времена и часто порождали негативное отношение к большому числу детей в семье⁵.

Однако снижение рождаемости приняло массовый и всеобщий характер и составило содержание второй фазы демографической революции лишь тогда, когда увеличивающаяся многодетность семей вступила в противоречие с интересами основной массы населения, не связанного с землей, с интересами городского населения и его главной составной части — рабочего класса.

Казалось бы, именно рабочий класс представляет собой ту часть населения, у которой не должно возникать противоречия между демографическими и социальными функциями семьи, хотя бы потому, что дети рабочих ничего не наследуют, и с этой точки зрения число детей для рабочей семьи безразлично. Больше того, на ранних этапах развития промышленного капитализма, когда был необычайно широко распространен ранний труд детей, многодетность семей даже стимулируется «той пре-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 483.

⁵ Еще Полибий жаловался на то, что «люди... не хотят заключать браков, а если и женятся, то не хотят вскармливать прижитых детей, разве одного-двух из числа очень многих, чтобы этим способом оставить их богатыми и воспитать в роскоши» (Полибий. Всеобщая история в сорока книгах, т. III, М., 1899, кн. XXVII, 9, стр. 299—300).

мией за производство рабочих детей, которую дает их эксплуатация»⁶.

Этот этап развития оказывается, однако, преходящим. Развитие производительных сил постепенно начинает предъявлять такие требования к качеству рабочей силы, которые уже не могут быть удовлетворены при применении детского труда. Более того, подготовка взрослых рабочих уже не может осуществляться прежними способами. Для того, чтобы рабочие смогли функционировать в качестве важнейшего элемента современных производительных сил, должны были измениться все условия их воспроизводства как работников, что, в свою очередь, потребовало изменений в условиях жизни рабочего класса. Эти изменения охватывают различные стороны жизни как отдельного человека, так и семьи, распространяются на весь образ жизни людей, на условия их труда, быта и использования досуга, на уровень их образования и культуры, строй потребностей, круг интересов, формы общения, на их классовое и гражданское сознание.

При социализме постоянное улучшение условий жизни трудящихся является сознательной целью общества, ее достижение одновременно создает наилучшие условия для включения работника в состав производительных сил. Но и при капитализме условия жизни трудящихся не могут оставаться без прогрессивных изменений. Хотя эти изменения всячески тормозятся сопротивлением эксплуататорских классов, они диктуются всем ходом экономического развития и должны происходить и в рамках капитализма, коль скоро этот общественный строй еще продолжает существовать. Таким образом, социальная обстановка, в которой происходят изменения условий жизни рабочих, совершенно различна при социализме и при капитализме: в первом случае они происходят благодаря, а во втором — вопреки основной ориентации общественного строя. Но в той мере, в какой изменения в условиях жизни людей предписываются развитием производительных сил, они обусловлены объективно и носят универсальный характер.

В каких бы условиях ни происходила такая глубокая перестройка условий воспроизводства человека как работника, она совершается в течение исторически очень короткого времени, носит характер взрыва и требует огромного напряжения сил и средств — в первую очередь сил и средств семьи, так как воспроизводство людей нового социального качества предполагает теперь несравненно более высокий уровень образования и общей культуры, лучшее здоровье человека и более длительное сохранение его работоспособности, усвоение им гораздо более сложных социальных норм и т. д. Разумеется, в наше время семья в гораздо большей степени, чем прежде, делит эти функции с обществом, которое оказывает огромное непосредственное влияние на формирование человека, на отбор и воспитание тех его качеств, которые соответствуют интересам данной социальной системы. Неизбежная ограниченность материальных и духовных ресурсов семьи приводит ее социальную функцию в противоречие с ее демографической функцией, ибо социальная задача семьи заключается в повышении интенсивности процесса социального воспроизводства, в концентрации всех усилий на подготовке людей, как можно более соответствующих определенным социальным и производственным требованиям. Увеличение же числа детей в семье означает экстенсивный путь развития семьи, толкает ее на снижение качества социальной культурной и профессиональной подготовки потомства за счет увеличения его количества.

Создавшуюся коллизию семья осознает как необходимость отказа от прежней высокой рождаемости. Такой отказ позволяет ей продолжать выполнять свои социальные функции, но в то же время отнюдь не означает прекращения выполнения функций демографических, не нарушает

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 657.

интересов продолжения рода. Отказавшись от многодетности, семья не становится бездетной. Благодаря снижению смертности рождение 2—3 детей на семью с точки зрения воспроизводства населения равнозначно рождению 5—7 детей до начала демографической революции. Число выживающих детей остается примерно таким же, что и раньше, но вследствие отсутствия демографических катаклизмов типа страшных эпидемий и голодных моров средневековья расширенное воспроизводство населения обеспечивается надежнее, чем когда-либо в прошлом.

* * *

Если попытаться теперь кратко охарактеризовать сущность демографической революции, то следует сказать, что, подобно тому как революция в области техники — промышленная или научно-техническая — означает переворот (пользуясь словами Ф. Энгельса) в «производстве средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий», так демографическая революция есть переворот в «производстве самого человека, продолжении рода»⁷.

Содержание второй демографической революции составляет замена ставшего традиционным примитивного типа воспроизводства населения, для которого характерно отсутствие эффективного контроля над смертностью и рождаемостью и как следствие — их высокий уровень, совершенно новым, «современным» типом воспроизводства, которому свойственны эффективный контроль над смертностью и рождаемостью и как следствие — низкий уровень того и другого. Воспроизводство населения поднимается на качественно новую ступень: оно становится несравненно более рациональным, эффективным, экономичным, чем когда-либо в прошлом, причем эта рационализация происходит не постепенно, а в результате поистине огромного скачка с одного уровня рождаемости и смертности на другой.

Будучи элементом исторического переворота, охватившего обе стороны «производства и воспроизводства непосредственной жизни», демографическая революция своими последствиями затрагивает самые различные сферы жизни общества. Эти последствия, тесно переплетаясь и взаимодействуя с последствиями промышленной, а затем научно-технической революции, с одной стороны, и с последствиями социальных революций — с другой, оказывают и свое революционизирующее влияние на все общественное развитие.

Выше мы уже говорили о прямом влиянии снижения смертности на развитие производства, однако его последствия не ограничиваются лишь непосредственным воздействием на производительные силы, они гораздо шире. Снижение смертности было одним из ярчайших проявлений победы человеческого разума над слепыми силами природы. Оно сыграло огромную роль в преодолении психологии пассивности и покорности, свойственной средневековому человеку, мистицизма и предопределенности; без него было бы немыслимо формирование нового мировоззрения и нового мироощущения, революционной активности, свободомыслия и оптимизма трудящихся масс.

Не менее важны и последствия снижения рождаемости. Именно снижение рождаемости вслед за снижением смертности завершает рационализацию процесса воспроизводства населения, делает его несравненно более экономичным. Только теперь женщина, которая во все времена была настоящей «детородной машиной», впервые в истории получает возможность выполнять свои демографические функции с несравненно меньшими, чем прежде, затратами сил, времени и здоровья. Высвобождается огромное количество социальной энергии, расходувавшейся

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 25—26.

ранее крайне нерационально, и это служит одной из главных предпосылок подлинного социального раскрепощения женщины, ее массового участия в общественном производстве, роста ее культуры и интеллекта, включения ее в активную борьбу за свои классовые и гражданские права при капитализме и ее равноправия при социализме. Новая роль женщины подрывает одну из наиболее древних и устойчивых форм господства человека над человеком — господство мужчины над женщиной, ликвидация которого является необходимым моментом уничтожения всех форм угнетения вообще. Рационализация процесса воспроизводства населения и вытекающее из нее новое положение женщины расширяют возможности воспитания детей в семье, которое становится качественно иным, и тем самым способствуют и более полному развитию личности и удовлетворению растущих требований производства к уровню подготовки работников.

Историческое значение демографической революции заключается в том, что, заменив один тип воспроизводства населения другим, она привела демографическое воспроизводство в соответствие с новыми техническими, экономическими и социальными условиями, которые оказались также несовместимыми с примитивным типом воспроизводства населения, скажем, с системой натурального хозяйства. Уже капиталистический способ производства не смог бы развиваться дальше определенного уровня, если бы нерациональное примитивное воспроизводство населения продолжало существовать. Совпадение во времени начала демографической революции и начала эпохи промышленного капитализма едва ли можно считать случайностью. В еще большей степени демографическая революция является необходимым условием развития социалистического способа производства и социалистического общества, которое по природе своей ориентируется на неограниченное развитие производительных сил и одновременно стремится к более полному расцвету человеческой личности.

Можно было бы, по-видимому, указать еще на ряд конкретных следствий демографической революции в целом или отдельных ее элементов, но и сказанного, видимо, достаточно, чтобы оценить ее значение. Впрочем, на историческое значение демографической революции можно, по-видимому, взглянуть и более широко. Развитие материальных производительных сил, лежащее в основе всего исторического развития вообще, затрагивало прежде всего экономику производства вещей: совершенствовались орудия производства, расширялся круг включаемых в экономический оборот природных богатств, улучшались методы обработки земли и т. п. Но главная производительная сила общества — люди. Дважды на протяжении истории перевороты в материальных условиях производства затронули и «экономику» производства людей, и это, несомненно, способствовало тому, что такие перевороты, с которыми связаны возникновение и ликвидация классового общества, приобрели особенно грандиозные масштабы. Оценивая историческое значение второй демографической революции, мы можем сказать, что тогда как первая демографическая революция была составной частью великого материально-технического переворота, приведшего к возникновению классового общества, вторая демографическая революция есть элемент великого материально-технического переворота, ведущего в конечном итоге к исчезновению этого общества.

* * *

Замена старого типа воспроизводства новым не может произойти сразу, она совершается постепенно на протяжении жизни нескольких поколений людей. Поэтому с началом демографической революции население вступает в более или менее длительный период, во время которого наблюдаются промежуточные, переходные характеристики воспро-

изводства населения, сочетающие в себе признаки старого и нового типов демографического воспроизводства, — период демографического перехода. Демографический переход включает две основные фазы: фазу снижения смертности и фазу снижения рождаемости. Для того, чтобы демографическая революция совершилась, должны произойти оба эти снижения, и в этом смысле демографическая революция происходит везде одинаково. Но скорость каждого из этих снижений, их взаимодействие между собой, последовательность их распространения на различные слои общества зависят от ряда конкретно-исторических факторов, в том числе, как будет показано ниже, во многом определяются социальным строем. Поэтому демографический переход в разных исторических условиях может протекать (и протекает) по-разному, причем конкретные особенности демографического перехода в той или иной стране имеют важное самостоятельное значение.

В большинстве случаев вторая фаза перехода (снижение рождаемости) начинается спустя более или менее длительное время после начала его первой фазы (снижения смертности). В течение же этого времени снижающейся смертности соответствует неизменно высокая рождаемость, в результате чего происходит ускорение роста численности населения. Это ускорение продолжается до тех пор, пока не начинается вторая фаза перехода, после чего ускорение роста населения прекращается, и по мере того как снижение рождаемости «догоняет» снижение смертности (а иногда даже и обгоняет его), рост населения замедляется, возвращаясь примерно к тем темпам, которые наблюдались до начала демографической революции.

Таким образом, в процессе демографического перехода население переживает, как правило, период небывало быстрого роста, так что численность его менее чем за столетие может вырасти гораздо больше, чем за всю его предшествующую историю. Такое огромное увеличение численности населения за короткий период времени получило название «демографического взрыва». Мощность такого «взрыва» зависит от конкретной ситуации, в которой осуществляется демографический переход.

Исторический опыт позволяет выделить три типичные схемы демографического перехода. Первый тип можно проиллюстрировать примером Франции, где (почти исключительный случай) обе фазы перехода начались практически одновременно, снижение смертности и рождаемости шло почти параллельно, в силу чего Франция не знала «демографического взрыва».

Примеры демографического перехода второго типа дают Англия, Швеция и ряд других стран Западной Европы. Здесь снижение смертности началось тогда же, когда и во Франции, снижение рождаемости — на сто лет позже. Этим объясняется европейский «демографический взрыв» XIX века, характерной иллюстрацией которого может служить демографическое развитие Англии. Численность ее населения в 1800 году составляла (без Северной Ирландии) 10,9 млн. человек (40% населения Франции). За XIX век население Англии выросло почти на 26 млн. человек, или в 3,4 раза (население Франции — немногим более чем на 40%), и при этом еще несколько миллионов человек эмигрировало за океан. В Западной Европе «демографический взрыв» прекратился в начале XX века в результате резкого и очень быстрого падения рождаемости, которое в течение некоторого времени создавало даже представление о депопуляции некоторых стран.

Наконец, третий тип демографического перехода характерен для развивающихся стран в наше время. Смертность в этих странах снижается очень быстро и во многих из них сейчас она значительно ниже, чем где бы то ни было в XIX веке; вторая же фаза перехода в лучшем случае только-только начинается, да и то, видимо, далеко не везде. Поэтому превышение рождаемости над смертностью достигает ог-

ромных размеров, а мощность «демографического взрыва» намного превосходит все известное до сих пор.

«Демографический взрыв», стало быть, не есть следствие демографической революции как таковой (на примере Франции мы видели, что эта революция может осуществляться и без «демографического взрыва»), а вытекает из определенного характера демографического перехода, из его специфики, тесно связанной с экономическими и социальными условиями тех стран, в которых он совершается. Но в конечном счете «демографический взрыв» порожден все-таки демографической революцией, поэтому оценка последствий «демографического взрыва» должна быть включена в оценку значения демографической революции в целом.

Европейский «демографический взрыв» начался в середине прошлого века. Население зарубежной Европы, составлявшее в 1850 году 195 млн. человек, за последующие 100 лет увеличилось на 200 млн. человек. И это, несмотря на огромные потери в двух мировых войнах, стоивших европейскому населению десятков миллионов человеческих жизней, и на эмиграцию за океан не менее 50—60 млн. человек. Но население зарубежной Европы в 1850 году составляло всего 15—20% мирового населения. В нашем же столетии «демографический взрыв» — и, как мы видели, гораздо большей мощности — происходит в районах мира, в которых к 1950 году проживало примерно 70% мирового населения. Не удивительно, что население земного шара, составлявшее в 1900 году 1,6 млрд. человек, к 1970 году увеличилось на 2 млрд. человек, всего же за столетие оно, согласно прогнозам, вырастет на 4—6 млрд. человек.

Нет сомнения, что эти ближайшие последствия демографической революции очень важны. Человечество уже сейчас столкнулось со сложными экономическими, экологическими и другими проблемами, которые приобретают большую остроту главным образом в тех районах мира, где бедность и экономическая отсталость задерживают вступление во вторую фазу демографического перехода, что, в свою очередь, тормозит социально-экономические преобразования в этих районах. Озабоченность мирового общественного мнения наблюдающимися и возможными в близком будущем последствиями «демографического взрыва» имеет серьезные основания, и глубоко неверно сводить ее, как это иногда делается, лишь к новому рецидиву мальтузианства.

Но было бы ошибочным, признавая серьезность и остроту порождаемых «демографическим взрывом» проблем, исключать возможность его более отдаленных, но и более важных последствий. В отличие от популяций животных население не реагирует на сопротивление среды сокращением своей численности, а способно преодолевать это сопротивление, разумеется, в пределах, определяемых уровнем развития материальных производительных сил и общественным строем. Борьба человека с силами природы, направленная на расширение использования природных ресурсов в своих интересах, — одна из главных предпосылок развития производства вообще, а рост населения — важнейший стимул, побуждающий к такой борьбе, порой к неожиданным поворотам в ее ходе. Одним из таких поворотов было массовое заселение Нового Света в XIX веке, приведшее, в частности, к созданию самой могущественной державы капиталистического мира и давшее мощный толчок развитию производительных сил в рамках уже терявшей свой прогрессивный характер капиталистической системы хозяйства. В свою очередь, заселение Нового Света было теснейшим образом связано с европейским «демографическим взрывом» XIX века.

Но современный «демографический взрыв» не идет ни в какое сравнение с тем, что происходило в Европе в прошлом столетии. Демографическая масса сама является экономическим и экологическим фактором так же, как и плотность населения. Огромное увеличение людских

ресурсов на нашей планете может сыграть роль одного из главных материальных условий нового переворота в области производства, нового скачка в развитии человеческой цивилизации, во всяком случае, не меньшую, чем та, которую сыграл в истории человечества рост населения в эпоху неолита.

* * *

Мы видели, что демографическая революция как по своему содержанию, так и в смысле последовательности ее этапов теснейшим образом связана с развитием производительных сил, и когда последнее достигает определенного уровня, она не может не произойти. Поэтому совершенно естественно, что, начавшись в конце XVIII века в наиболее развитых капиталистических странах того времени, демографическая революция на протяжении XIX века распространялась на все новые и новые страны, становившиеся на путь капиталистического развития. В XX веке она очень интенсивно протекает в социалистических странах, а с середины XX века охватила и развивающиеся страны, превратившись таким образом во всемирное явление.

Однако если материальные предпосылки демографической революции, связанные с развитием производительных сил, могут быть примерно одинаковыми в странах с различным общественным строем, то социальные условия, в которых она совершается, глубоко отличны, что вносит существенные различия в сам ход демографической революции. В каких конкретных формах, с какой скоростью, в какой социальной атмосфере протекает эта революция и какое влияние оказывает она на общее социально-экономическое развитие, как она рефлектируется сознанием, в огромной мере зависит от общественного строя.

Не случайно стремительное распространение внутрисемейного регулирования рождаемости, которое приводит к неизбежному крушению искусственно созданных или поддерживавшихся, но давно уже не оправданных объективными условиями институтов, традиций и т. п., воспринимается индивидуалистическим мелкобуржуазным сознанием как крушение всех нравственных устоев общества и ведет к деградации буржуазной семьи, крайностям «сексуальной революции» и т. п.

В специфических условиях происходит демографическая революция в развивающихся странах. Поскольку эти страны в той или иной мере приобщены к техническим и культурным достижениям экономически развитых стран и сами постепенно включаются в общее движение по пути научного и технического прогресса, демографическая революция не могла не распространиться и на них.

Лишь в середине нашего столетия основная масса населения «третьего мира» вступила в первую фазу демографического перехода, но и сегодня еще смертность его остается очень высокой. В таких крупных странах Азии, как Индия, Индонезия, Бирма, средняя продолжительность жизни остается существенно ниже 50 лет, во многих же районах Африки она не достигла еще и 40 лет. Все же и при таком уровне смертности вполне может начаться вторая фаза демографического перехода — фаза снижения рождаемости, но почти нигде в «третьем мире» эта фаза еще не началась. По-видимому, здесь еще не достигнут тот общий уровень развития, при котором население само осознает необходимость сокращения числа детей в семье. Поэтому вопрос о формах и темпах социально-экономического развития, чрезвычайно важный сам по себе, является кардинальным и с точки зрения дальнейшего развертывания демографической революции в странах «третьего мира».

С другой стороны, надо отметить, что замедление в развитии демографической революции само в известной мере тормозит социально-экономические преобразования не только потому, что ускоряющийся рост населения создает дополнительные экономические трудности, но и пото-

му, что традиционный демографический уклад служит одним из краеугольных камней тех отживших экономических и социальных форм, без разрушения которых невозможно полное преодоление вековой и тысячелетней отсталости.

Переход к социализму коренным образом изменяет условия протекания демографической революции, о чем свидетельствует опыт нашей страны. Демографическая революция в СССР началась еще в конце прошлого века, когда было зафиксировано довольно быстрое и повсеместное снижение смертности. Однако в условиях капитализма, отягощенно-го к тому же огромным количеством феодальных пережитков, втягивание основной массы рабочего и крестьянского населения в первую фазу демографического перехода происходило чрезвычайно медленно. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции существовали огромные различия в уровне смертности разных общественных групп. Устранение социального неравенства в СССР и быстрый рост социалистической экономики создали основу для быстрого и всеобщего снижения смертности. Быстро развивающаяся экономика обеспечила растущее население необходимыми условиями производства и средствами существования.

Из сказанного, разумеется, не следует, что при социализме нет никаких демографических проблем, в том числе и проблем, связанных с осуществлением демографической революции. Кроме того, могут существовать демографические проблемы, связанные не с демографической революцией, а с необходимостью поддержания наилучшего с точки зрения общества режима воспроизводства населения в рамках современного типа воспроизводства, который устанавливается в результате демографической революции, потому что формирующийся стихийно режим воспроизводства населения может быть далек от оптимального. Но подобные проблемы в социалистическом обществе решаются на социально непротиворечивой основе, причем успешность и быстрота их решения во многом зависят от того, насколько глубоко познаны объективные закономерности демографического развития и насколько полно они учтены при разработке и реализации планов и программ социально-экономического развития. Отсюда необходимость внимательного изучения демографических проблем вообще и проблем демографической революции, которая составляет главное содержание современного этапа демографического развития в частности.

* * *

«Знать, понимать, оценивать, изменять» — так определил задачи демографии Адольф Ландри, который ввел в науку понятие «демографической революции»⁸. Так понимаем их и мы.

Демографическая революция — явление всемирно-исторических масштабов, и без глубокой и всесторонней оценки всех последствий, которые вытекают из революционных изменений в демографической области, невозможно правильно судить о происходящих в современном мире социальных процессах и предвидеть их будущее.

⁸ См. A. Landry. La Révolution démographique. P., 1934.